

Туз

Затянувшаяся осень покрылась инеем. Город, как звёздное небо в Крыму, был усеян новогодними огоньками – густо-густо. Казалось, каждый магазин и салон стремится победить в конкурсе на самый яркий новогодний костюм. Но всё это не имело никакого значения, ведь улицы ещё не укутались в свежее одеяло снега. И потому все людские старания казались почти напрасными, приближающийся праздник совершенно не чувствовался.

Я немного удивилась, когда позвонил Юра и пригласил нас на выходные к себе – в Чернозёрку. Там, вдали от промышленного шума и загазованного воздуха, мы часто проводили время летом, но как только садово-огородный сезон заканчивался, возвращались в город. А вот его жизнь была совсем другой: Юра работал в городе, но жил круглый год в деревне, мотался туда-обратно на электричке каждый будний день. В свои двадцать лет он остался один: мать года три назад переехала в город к новому мужу, а найти даму сердца в Чернозёрке или в округе было невозможно: средний возраст жительниц колебался от пятидесяти до семидесяти лет, а таких «невест» Юра не жаждал. Каждая ближняя деревенька состояла всего из десятка домов, и половина из них пустовала. Несколько деревень и вовсе вымерли – по житейским меркам – буквально в мгновение ока. Работы и денег не было, и бывшие колхозники просто-напросто спивались – быстро или помедленнее – у кого на сколько здоровья хватало. Уехать из Чернозёрки Юра не мог, квартирный вопрос не давал ему и шагу ступить на городскую землю в качестве нового жителя.

В этот раз мы ехали к Юре по весьма серьёзному поводу. Его призвали в армию. Городские юноши всеми силами пытаются избежать бесполезной потери времени, но Юре держаться было особо не за что. Да и незачем. Он отнёсся к призыву спокойно, разве что даже немного обрадовался. Разнообразие в жизни ему катастрофически не хватало.

Выйдя из электрички, я вдруг поняла, что нам всегда везло, когда мы уезжали из деревни осенью, – было довольно сухо и солнечно. Но сейчас местность выглядела угнетающе: просёлочная дорога представляла собой настоящее месиво, а абсолютно голые деревья и не то, чтобы пожухлая, а грязно-бурая трава, навевали далеко не солнечные мысли. Наш дом стоял через один от Юриного, и я не могла не обратить на него внимания. Грусть пустых окон безмолвно и жалобно просила наполнить дом жизнью, а амбарный замок на двери солидно и деловито намекал: нечего вам здесь до лета делать.

– А вы, кстати, в курсе, что Стенька-то помер? А? – Юра махнул рукой на дом, разделяющий наш и его. Там жил алкоголик Стенька, лет сорока или пятидесяти; из-за неимоверно опухшего лица его точный возраст понять было сложно. Угрюмый, с грубыми чертами лица, словно вырубленного из каменного монолита, он ни с кем в деревне не заводил знакомств и уж тем более дружбы – благо никто такого общения и не желал. Перекидывался парой фраз Стенька разве что с бабой Аней, которая продавала ему самогонку.

– Умер?.. Допился? – почти не удивилась я.

– До чёртиков, два раза приезжала к нему «скорая», а последний раз так и не доехали, застряли в жиже на дороге. Помните, сколько дней подряд тогда дождь струячил? Вот дороги-то и развезло все. «Скорая» завязла, а Стенька и отдал Богу душу. Хотя какому уж там Богу, алкоголик проклятый. Так над псиной измываться!

– А Туз где?

– Убежал куда-то... Два дня повыл и пропал.

Сразу же после этих слов в голове всплыла картина, которую мне довелось увидеть минувшим летом...

Когда я первый раз с будущим мужем и его бабушкой приехала в Чернозёрку на лето, то долго не могла привыкнуть к деревенскому образу жизни. Горожанам, воспринимающим бытовой комфорт, как должное, это всегда непросто. Больше всего меня поразил тот самый сосед Стенька, а точнее – его жестокая причуда. За пару лет до этого он взял собаку и даже скотил ей будку. Оно и понятно – абсолютное одиночество убивает, а так хоть какая-то живая душа рядом. Да и такие будки в деревне почти в каждом жилом дворе. Но Стенька будку-то смастерил и... заколотил в ней собаку. Сложно представить, как такое могло прийти в голову, но факт остаётся фактом. Он оставил только щёлку, чтобы просовывать Тузу (так назвал собаку) миску с едой.

Вне будки Туза никто ни разу не видел, да и сам собачий дом был сколочен весьма плотно. Единственное, что удалось выяснить: пёс был чёрным и небольшим. Наши окна выходили прямо во двор Стенькиного жилища. Первую неделю, по рассказам всё того же Юры, Туз жутко выл, навевая тоску на всю деревню. Тогда-то впервые Юра и попытался поговорить со Стенькой: выпусти, мол, собаку, живое же существо. Но в ответ он получил лишь ругательства и пожелание не лезть не в своё дело. Стенькину причуду сначала восприняли бурно и обсуждали все, кому не лень, но вскоре стало ясно, что он Туза не выпустит и обращаться к нему, взывая к человечности, бесполезно. На том все и успокоились. Туз, как ни странно, отчаянно защищал двор, даже не имея возможности делать это, как все прочие собаки. Если кто-то приближался к забору, он начинал звонко лаять и бегать по кругу в будке – насколько хватало места. Это было заметно даже в небольшую щель, в которую пёс часто просовывал

свой чёрный блестящий нос. Облаяв друга или недруга, – ему было решительно всё равно, – Туз успокаивался и громко, так что мы всегда слышали, если наше окно было открыто, вздыхал. Кое-кто пытался даже высвободить собаку в обход хозяина, но отважный защитник упорно поднимал неистовый лай. Более того, особо настойчивым освободителям Стенька грозился отстрелить причинное место, а ружьё у него имелось. Как ни странно – его-то он пропивать не собирался. Я редко выглядывала во двор с заколоченной будкой; мне было безумно жаль несчастную животину, спящую на собственных испражнениях и питающуюся мелкой варёной картошкой – если повезёт. А бывало и не везло... Периодически Стенька уходил в недельный запой, и тогда Туз голодал. Спасало собаку только её отчаянное, холодающее кровь завывание. Хозяину надоело слушать этот плач, и, выползая из дома чуть ли не на четвереньках, он приносил Тузу миску с картошкой. Всё той же мелкой. Только сырой. Пёс, захлёбываясь слюной, с причавкиванием хрустел грязной картошкой, и эти звуки казались отголосками из ада – так было жутко.

Четыре года Туз не видел никого и ничего, кроме хозяина и двора. Всё это время он пытался устроить побег. Самым любимым его развлечением был подкоп. Доски будки постепенно гнили от обилия фекалий, которые постепенно отвердевали, и Туз грыз их зубами, а лапами рыл неподатливую землю. Его жилище располагалось в этом смысле совершенно неудачно: земля под ним чуть ли не сплошняком состояла из камней. Иногда Туз делал успехи, но как бы ни был бестолков Стенька, попытку побега он всегда пресекал вовремя, и заколачивал будку снова – крепче прежнего. Но Туз не терял надежды. Он рыл и грыз снова и снова. Снова и снова. И однажды всё же выбрался на свободу. Стенька был как раз в глубоком запое и не кормил Туза почти неделю. Окончательно озверевшее существо вложило последние силы в очередной побег. Я стала случайным свидетелем этого события.

Туз проделал дырку и сначала высунул морду – тогда я впервые увидела его маленькие, чёрные, какие-то дьявольские глазки. Он был похож на чертёнка, причём далеко не сказочного. Ощувив дух свободы, Туз стал рыть с таким остервенением, что мне даже стало страшновато, хотя в душе я поддерживала его и молилась Богу, чтобы хозяин случайно не вышел на крыльцо. Но тот не вышел, и пёс (какой же он был худой!) наконец вылез из будки.

Его свалывшаяся шерсть была коричневато-болотного оттенка, смотреть на Туза было жутко. Как ни странно, упражнения в беге по кругу не дали его лапам атрофироваться от бездвижения. Туз рванулся с места... и стал носиться по кругу, как и прежде. Возбуждение было настолько велико, что он не мог себя хоть как-то контролировать. Побегав так несколько минут, Туз неожиданно остановился, упал, закрыл глаза, и в какой-то момент мне показалось, что он умер от разрыва сердца, не выдержав пьянящего счастья. Но, присмотревшись, я заметила, что он всё же дышит. Отлежавшись, Туз встал и попытался пойти прямо; это ему удалось. Он попробовал идти быстрее – это тоже у него получилось. Преодолеть забор собаке не составило труда, за ним Стенька так рьяно, как за будкой, не следил, он был скорее символическим.

Туз убежал. Стенька обнаружил пропажу лишь на второй день, когда вспомнил, что пса нужно кормить. Громко и продолжительно выругавшись, он погрозил кулаком в сторону будки и не показывался из дому ещё три дня.

Каково же было моё удивление, когда через неделю я услышала знакомый лай во дворе и подбежала к окну. Туз! Он теперь выглядел значительно лучше, по всей видимости, выкупался в ближайшей речке. Лая, пёс, как прежде бегал по кругу, как бы за хвостом, иногда смешно подпрыгивая. Стенька вывалился на улицу и тоже обалдел. Туз бросился к его ногам, как блудный сын, и стал лизать его сапоги. Стенька был настолько удивлён, что – небывалое дело! – не смог вымолвить ни единого матерного слова. Он только пристально смотрел на пса и молчал.

Туз никуда не ушёл. Но и Стенька заколачивать его в будку больше не стал. Собака поселилась теперь под крыльцом и, как прежде, облаивала всех проходящих мимо. Те же, в свою очередь, любопытно рассматривали Туза – носящегося по кругу. Он делал теперь так всегда, когда испытывал малейшее волнение. Причём носился так резво, что у любопытных наблюдателей начинала кружиться голова уже через минуту.

Но и этим его странная любовь к хозяину-мучителю не ограничивалась. Иногда Стенька садился на крыльцо и задумывался. Неподвижно, со стеклянным взглядом он мог сидеть так часа полтора. Туз ложился к его ногам. Видя, что хозяин его не прогоняет, пёс медленно-медленно, еле заметно, пододвигался к нему всё ближе и ближе. Оказываясь совсем рядом, он также медленно садился на землю и клал хозяину голову на сапог. Потом аккуратно ставил лапы ему на колени и стоял так, боясь даже громко дышать. Стенька не реагировал. Туз ловким движением запрыгивал ему на колени и неуклюже прижимался. А дальше – как в замедленной съёмке – пёс опускал голову хозяину на плечо и блаженно стоял так до тех пор, пока Стенька вдруг не приходил в себя и не прогонял Туза. Чем заслужил этот жестокий полоумный алкоголик такую безграничную преданность? Для меня это так и осталось загадкой...

(Основано на реальных событиях)